

Алексей Зверев

ТРОПИНКИ ПАМЯТИ

Алексей Зверев

Тропинки памяти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70111135

SelfPub; 2023

Аннотация

Добрые, ностальгические лаконичные рассказы-воспоминания о советском безоблачном детстве, юности, первой любви, зверюшках, русской деревне и не только... Все это одобрено "довлатовским" юмором и читается легко. Стихи – чистые и пронзительные.

Содержание

ДЕТСКИЙ ЛЕПЕТ	5
ДАЧНЫЙ ДРУГ. ЗА КЕРОСИНОМ	8
МАСЛОВЫ	11
СУЛИМОВЫ	14
АСЯ. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	17
МАРИНКА	21
ДЕТСКИЕ ИГРЫ МОЕГО ДЕТСТВА	24
БУДИНОК ТВОРЧЕСТВА.	26
КАВКАЗ	29
СУД ПАРИСА	36
ШПАНА МОЕГО ДЕТСТВА	38
ВАНЕЩА ХРУЩУ	42
ПОРОСЮК	46
МИТЯ ДОБРЫНИН	48
ГАПА	51
КОКА	54
ДВЕ ТАНИ	57
ПРИРОДУ НАДО ЛЮБИТЬ	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Алексей Зверев
Тропинки памяти

ДЕТСКИЙ ЛЕПЕТ

Каковы мои первые воспоминания?

Отчетливо помню деревянную решетку детской кровати...

Помню, как научился самостоятельно ходить: сполз с дивана... И сам! Держась за только за стенку, дошел до кухни, где сидели мама и бабушка!

Помню, как просыпаюсь рано утром и бегу в комнату родителей, забираюсь к ним в постель, кручусь как уж на сковороде, и повторяю: «Тебе уютно? Мне так уютно!»...

Помню вкус зубной пасты «Детская» и купание в ванной, полной ярких резиновых игрушек...

Помню, как гуляя по парку, давлю голубыми сандалиями, лежащие на асфальте какие-то белые ягоды. (Ядовитые. Есть нельзя!) Ягоды щелкают!

Помню, как мы с бабушкой купили невский пирог. Я с восторгом кричу папе вернувшемуся с работы: «Отец, а булочка то с кремом!».

Помню новогоднее чудо: мама купила пластмассового Деда Мороза и поставила на шкаф. Я уверен, что он живой, и следит за тем, как я себя веду!

Помню, как папа угощает меня бананом, а мне кажется, что это не банан, а забинтованный отцовский палец...

Первые нравственные воспоминания:

Помню, как я сорвал зеленый листочек, а мама сказала мне: «А что будет, если все сорвут по листочку?»»

Помню, как я жалел бабушку, у которой случайно выбил головой зуб... Впрочем, довольно...

Я родился вьюжной февральской ночью.

Моя мама – режиссер. Папа – геолог.

Мама днями и ночами пропадает в каком-то ГИТИСе. У нее только и разговору, что про ГИТИС. Домой приходит поздно, однако я еще не сплю. Выбегаю ее встречать, но чаще всего папа ловит меня за руку. «Мамочка устала!» – говорит он и уносит меня в комнату. Подальше от маминой «расправы». Мама худенькая, курносая, кареглазая, очень красивая...

Папа все время в разъездах. Подолгу на три-четыре месяца уходит в плаванье на разных кораблях. Корабли останавливаются в далеких портах. На них папа отплавал все моря и океаны. Присылает мне объемные цветные открытки с коралловыми рыбками и попугайчиками. Из плаванья он привозит всем подарки. Папа прекрасно рисует, а иногда пишет стихи...

Всем в доме заправляет бабушка – бывший врач психиатр, женщина с железной волей и твердым характером. У нее на все есть свое особое мнение. Между ней и мамой нередко пролетают искры, я как могу, стараюсь их гасить. Меня

бабушка обожает, мы все делаем вместе: ходим по магазинам, гуляем, готовим, играем. Готовит бабушка очень вкусно. Особенно удаются ей пирожки с яйцом и зеленым луком и маленькие плюшки с сахаром и корицей – кецочки! Пишу, и у меня слюнки текут...

Каждое лето мы проводим в маленьком дачном поселке Ново-Дарьино. Иногда ездим на озеро Селигер на базу отдыха папиного ГЕОХИ.

Есть у меня и другая бабушка – Маша, и дедушка Яша. Но о них расскажу позднее.

Я очень люблю всех, и маму, и папу, и бабушек, и дедушку.

ДАЧНЫЙ ДРУГ. ЗА КЕРОСИНОМ

Каждое прекрасное утро Дружок начинал с мисочки каши от хозяйки тети Зины. Потом старенький, пегий, похожий на сардельку песик неспешно обходил дачный поселок и получал угощения от дачников: хлеб, сосиску или макароны. Дружка все любили: и люди, и собаки, и кошки, и даже куры.

В два часа он приходил ко мне, съедал угощение и ложился вздремнуть на черную прохладную землю. Я обнимал его за жирненькую шею и хрюкал в глухое, пахнущее псиной ушко. Дружок сонно огрызался.

Несмотря на преклонный возраст у Дружка была дама сердца, собака соседей кавказская овчарка Найда. Он мог часами сидеть около Найдиной будки, а когда Найду спускали с цепи, они охотились на единственную в поселке черно-пеструю корову.

Еще Дружок любил гулять с нами, хоть два часа, хоть три. Одну прогулку я помню до сих пор, я, папа, мама и дружок прятались от грозы под густой елкой. Дружка жалили в мокрый черный нос голодные комары, и он отчаянно чесался.

Умер Дружок внезапно.

Попил водички, лег и затих.

«Я Дружоню похоронила как друга!» – плакала его хозяйка тетя Зина, тяпнувшая с горя сразу два пузырька валокор-

дина. Я укусил подушку и тоже заплакал...

Через сорок дней у тети Зины появился новый Дружок, черный, добрый, тоже похожий на сардельку. Его также знал и любил весь поселок. Но заменить Дружка Первого он не мог... Ни своей хозяйке, ни нам...

В первые годы нашей жизни в Ново-Дарьино мы готовили еду на керосинке. Керосин кончился, и мы с мамой отправились в поход. Мне было пять лет. В дощатой деревенской керосиновой лавке удивительно приятно пахло. Кроме керосина здесь продавалось множество интересных вещей: мышеловки, свечи, олифа, краска, мыло, гвозди, замки, скобяной товар! На обратном пути пошел дождь, и я упал влужу. Бидон был тяжелый, и мама тоже упала. Мы сидели на тропинке, грязные и мокрые и плакали. Дождь шел все сильнее. У мамы из носа пошла кровь. Я пришел в ужас и заревел еще громче.

Но свершилось чудо: нас догнала старушка, которая везла керосиновый бидон на маленькой деревянной тележке. «Что ты, милая, не плачь, вставай!» – сказала она маме и ловко пристроила наш бидон к себе на тележку. Так мы и шли: впереди старушка, а за ней я и мама.

Наконец добрались до дома. Мама долго благодарила старушку и пыталась сунуть ей три рубля. Но старушка, замахав руками, сказала: «Что ты, милая!».

На обратном пути пошел дождь, дорога размокла, и я, пя-

тилетний увалень, упал в

Смыв с себя грязь и кровь, мы, наконец, поставили на керосинку чайник.

Вспоминается мне и другой случай, как в один серый холодный день мы с мамой пошли гулять на пруд. Я разбежался, чтобы кинуть в воду шишку и вместе с ней свалился в пруд. Мама меня вытащила, надавала по заднице, и пригнала домой. Меня ругали, шлепали, растирали спиртом, надели колючие шерстяные носки, а потом в утешение читали вслух сказку про Бармалея. Я плакал и жалел маму...

До сих пор вспоминаю об этом происшествии с ужасом.

МАСЛОВЫ

Это утро моего семилетия в Ново-Дарьино начиналось неплохо.

Во-первых, я нашел два пестрых сорочьих пера, которые украсили мой картузик. Во-вторых, познакомился с девочкой Глашей. Она сама пришла поиграть со мной – крохотная черноглазая девочка в длинном синем платье – «макси»!

Так я попал к ней в гости. Мы позвонили в звонок рядом с Глашиной калиткой (как в городе, как в городе!) Не калитка, а дверь от старинного лифта! И нас впустила красавица – Глашина мама Ксана.

Вышел нас встречать и старенький белый пудель Матвей, смешно вилявший подстриженным «подо льва» хвостом.

Мы с Глашей собирали разные цветы, чтобы потом играть в сказочное цветочное королевство. Из флоксов отлично получались принцессы в пышных платьях восхитительных цветов.

Откуда – то, из глубины сада доносился звонкий стук молотка о камень. Это Глашин дедушка ваял свои скульптуры: известковых мопсов, украшающих крыльцо, гранитные головы, черепа с открытыми ртами и даже женскую фигурку с младенцем на руках!

От всего этого великолепия дом и участок казались вол-

шебными. Дом с башенкой, в которой пряталась винтовая лестница, становился похожим на замок. Правда, ходить по винтовой лестнице было опасно, там огромные шершни построили себе гнездо.

Глашин дедушка был мрачноватым, наглухо задернутым человеком. Говорили, что в прошлом он был известным меньшевиком (тогда я плохо понимал, что это значит), и видимо жизнь была к нему неласкова. Общался он только с композитором Цфасманом, жившем напротив, и совершенно чудесно игравшем на пианино.

Волшебная картинка моего детства! Под музыку Цфасмана маленькая Глашка в платье макси кружится, воображая себя феей. А вокруг нее с лаем прыгает пудель Матвей, виляя круглым львиным хвостом.

Нам с Глашей дедушка Маслов рассказывал о том, как бывал когда-то на приеме у английской королевы, и в доказательство показывал приглашение с британским львом. А также пытался научить нас молитвам, но это нам было неинтересно.

Мы убегали и развлекали себя, сидя в убежище из дров и шифера, разглядыванием французских комиксов про собачку Пифа и кота Геркулеса.

До сих пор я люблю комиксы, а мой сын архитектор даже пытается их рисовать. Это все в стиле фентэзи, оключениях мальчика и девочки в волшебной стране. Если бы он знал старика Маслова, он обязательно нарисовал бы его,

окруженного странными скульптурами, в заколдованном саду моего детства.

СУЛИМОВЫ

В дачном Ново-Дарьине моим другом детства был как раз не дачник, а деревенский – Мишка Сулимов. Помню, как мы выходили гулять, у русого как ржаной колосок Мишки на голове всегда была кепка, а у меня колпачок. Фу, Тимур бы никогда такой не надел. Бабушка недавно прочитала мне, несмотря на маленький возраст гайдаровскую повесть «Тимур и его команда».

Я рос, и Мишка под кепкой тоже рос. И даже неожиданно стал «дядей» Мишей: его старшая сестра, хромоногая веселая Ирка, что-то скрывавшая под красным пальто, вскоре произвела на свет маленького Алешку.

Алешку Мишка очень любил, как любил и мать, работавшую в колхозе дояркой и богатыря-татарина отца и среднего брата Сергея и его мотоцикл. Не любил только самого старшего сводного брата непутевого Женьку, выпивоху и ворюгу. Женька периодически посиживал в тюрьме, в грош не ставил коренастого работягу отца. Он то уезжал на Север, где нелегально добывал северных оленей, то шоферил, то воровал в магазинах водку. Мишка его боялся.

Напротив калитки Мишкиного дома была большая груда желтого песка, где стояли огромные ржавые игрушечные машины-грузовики. Там мы и проводили практически все вре-

мя, строили города и заводы, прокладывали дороги, а потом бомбили их камнями. Дворовые собаки Мишки бешено лаяли до обмороков, а мы с Мишкой уже плавали по крохотному, заросшему ряской пруду на плоту, прихватив собой котенка. Кончалось тем, что Мишкина бабушка, совершенно Есенинская старушка в белом платочке в горошек, отпаивала нас, мокрых и грязных, литрами кваса и компота, который она варила ведрами, зная аппетиты семьи.

Потом играли в футбол, с Мишкиной сестрой Ирккой, или сидели на продавленном диване в темном сарае, где мастерили что-нибудь, например, делали фальшивые деньги из этикеток от «Розового портвейна».

Случались и беды. Так добрейший средний брат Сергей поступил работать поваром в закрытый пищеблок совхоза «Горки 10» и очень быстро спился, буквально потеряв человеческий облик.

Но детство бед не знает, и мы продолжали радоваться жизни: ходили купаться на речку Лапинку вместе с девчонками, играли в индейцев, вооружаясь деревянными ружьями и самодельными луками, катались на «тарзанке», ловили бабочек, собирали грибы, зачем-то гоняли худых колхозных коров, жгли костры, строили шалаши, бегали боссяком по лужам, ездили в Перхушково в кино. Мы даже влюблены были оба в одну девочку, – Асю.

Прошелестели как желтые листья вольные детские лета... Попав в армию, Мишка угодил в Афганистан. А может,

попросился туда добровольно.

Слава Богу, вернулся домой целым и невредимым. Это была наша последняя встреча. Вскоре Сулимовы куда-то переехали, и мы потеряли друг друга.

АСЯ. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Я влюбился в нее во сне. Она жила на даче напротив и позвала меня играть в бадминтон. От быстрого мелькания зеленого платяца сладко кружилась голова. Ночью Ася мне приснилась и произошла, как писал Стендаль в книге «О любви» кристаллизация. Надежно так произошла – лет на девять. Осень, зиму, весну – я томился, скучал и ненавидел разлучницу-школу. Летом я любил Асю. Интересно, что в этой любви почти не было ничего сексуального, слепое обожание.

Огромные янтарные глаза, алый рот, каштановые кудри до плеч. Глаза светились в темноте, как у зверюшки. Еще от нее удивительно пахло: цедрой, корицей, горьким миндалем, розами. Как сказал бы сейчас какой-нибудь идиот из глянцевого журнала «пахло молодыми гормонами». Когда мы играли в жмурки, ее легко было найти по аромату.

Она была тихоня и трусишка. Она боялась лягушек, собак, коров. Приходилось гонять земноводных и кидаться в пугливых колхозных коров, которые Асю почему-то любили, мелкими камушками.

В небе горела маленькая красная точка. Это был Асин воздушный змей, украшенный изображением Микки Мауса. Когда он приземлился прямехонько на березу, я очень пожа-

лел, что плохо лазаю по деревьям.

На следующий день Ася обедала у нас. Она съела бульон с манкой и, извинившись, сообщила, что больше не может, она объелась. А я съел котлету с молодой картошечкой и укропом. Потом мы долго играли в Джунгли, оккупировав хозяйские кусты сирени. Нам помогал мой любимый плюшевый медведь Желток. Ели дефицитную воблу. Асе, естественно досталась спинка и икра, а мне голова и ребра. До одури и головокружения качались в Асином дворе на веревочных качелях.

«Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели.
И высокие, темные ели
Вспоминаю в туманном бреду...»

Я любил смотреть в папин геологический бинокль на Асин балкон. Иногда она выходила на него, непременно в розовом платье. В голове рождались очень плохие стихи:

Девочка в розовом платье,
Розы живой лепесток...
Дальше не получалось...

Ну ладно...

Это все останется в веках,
Мальчик с книжкой Диккенса в руках,

В девочку соседскую влюбленный...

И еще:

Стемнеет, и в Ее саду

Зажгутся ласковые окна,

И ливня липкие волокна

Змеясь, по стеклам поползут...

Главным праздником лета, примирявшим меня с неминуемой разлукой, был Асин день рождения в конце августа. Я дарил ей конфеты, жвачку, собственные рисунки и комиксы про Дональда Дака. Ася краснела, кокетливо поправляла очаровательный беретик, и спрашивала, указывая на нарисованные мною цветы: «Это мак?» На дне рождения было все: и торт, и апельсины и жмурки, играя в кои, я ловил только Асю, и самодельные фейерверки и китайские ракеты. Меня очень любил Асин младший брат Костя. «Старшая сестра подавляет!» – жаловался мне он. «Ну, у тебя очень хорошая старшая сестра!» – отвечал я. Играли в жмурки, поймав Асю, я попытался ее обнять. «Ну что ты вцепился!» – зашипела она. «Извини...» – испуганно ответил я и разжал руки.

В конце концов, мы просто дружили. Я был допущен в ее дом, меня полюбила Асина мама, и даже похожий на черта черный кот Тихон мурлыкал, здороваясь со мной. Помню, как мы вместе смотрели по телевизору бесконечный и прекрасный польский сериал «Четыре танкиста и собака».

Шли годы. Мы перестали снимать дачу в Ново-Дарьино. По ночам я выкашливал и выплакивал из себя любовь к Асе. И вот мы поехали на два дня в Дарьино. Ася сама увидела меня и пришла в гости. «Привет» – сказала она, садясь в кресло качалку и соблазнительно закидывая ножку на ножку. «Господи, как же я был в тебя влюблен!» – только и смог ответить я. «Я тоже» – прошептала Ася. Потом мы пошли гулять в поле, и воровали колхозную кукурузу. Тихоня Ася стала болтушкой. Она в красках рассказывала мне, как ездила к отцу в Женеву. Это была какая-то другая Ася. И что-то ушло...

– Давай как-нибудь сходим в театр, – сказал я на прощанье.

Через два года, незадолго до моей свадьбы, раздался телефонный звонок.

– Привет, это Ася. Я просто хотела сказать. Что если в театр, или куда-нибудь еще, то я согласна.

– Хорошо...

– Меланхолия, дульче мелодиа – пропела Ася и повесила трубку.

Круги поплыли перед глазами... Вот, собственно, и все. Глухая и грустная штука жизнь.

МАРИНКА

«Какой Маринкин папа сильный!» – думаю я, когда он везет нас двоих на санках прямо по асфальту. Сейчас зима, а Маринка моя дачная приятельница, но она приехала к нам в гости, и даже привезла в подарок коробку вафель «Маринка».

С Маринкой мы дружим летом в Ново-Дарьино. У Маринки две бабушки: толстая, добрая бабушка Котя и худая сердитая, строгая бабушка Катя. Они обе считают своим долгом откармливать Маринку. Моя бабушка возмущается – Маринка и так не худенькая, вся как бело-розовый зефир с голубыми глазами.

Мы с Маринкой часто ссоримся. Она вредная. Так, например, когда мы вброд переходим через лужу, она кидает мои носки в воду. Я в ярости кидаюсь на нее, она вцепляется мне в волосы, и вот мы уже оба падаем в грязную жижу.

Маринка обожает собирать грибы. В канавках около дома она знает все урожайные места и находит белые. Я тоже нахожу один белый гриб и кричу от радости. Маринка с ненавистью говорит мне: «Что ты так кричишь. Это мой белый, я его давно заприметила!». Опять ссора.

Мы (то есть я, Маринка, Ася, рыжая маленькая Аня и Мишка Сулимчик) играем в магазин. Мы с Мишкой наде-

лали фальшивых «денег» и чувствуем себя миллионерами. «Покупаем» цветы, чтобы подарить их мамам. Деньги обладают реальной покупательной способностью.

Потом на лугу гоняем коров, бегаем под струями поливального агрегата. В небе из-за брызг сияют две яркие радуги.

Играем в прятки. Маринка водит. Я надеваю Мишкину шляпу и небрежно отхожу за угол дома. «Палы-выры Миша!» – стучит по дереву Маринка. Я доволен – «Обознатушки, перепрятушки. Это не Миша, а Леша. Тебе снова водить, Маринка!» – кричу я.

Спасаем попадавших в глубокую яму крохотных лягушат. На участке Маринки они переселяются в бочку, но вскоре почему-то начинаютдохнуть.

У Маринки постоянно живут какие-нибудь питомцы. Канарейка Кеша, чью клетку Маринке приходится чистить, или веселые желтые цыплята. Осенью, когда они вырастают, цыплят передают Мишке Сулимову.

Мы быстро растем, меняется характер игр, но дружба остается дружбой.

Последний раз я вижу Маринку, когда через много лет мы приезжаем на один день в Ново-Дарьино.

Маринка замужем, родила сына. Мы отправляемся на прогулку и встречаем Мишкиного старшего брата уголовника Женьку Сулимова. «Кто это тут гуляет по моему Ново-Дарьино?» – грозно спрашивает он. «Почему это по твоему? –

огрызаюсь я, – Я тут вырос, мы у Марии Федоровны дачу снимали!»

«А-а-а, у тебя еще маман была такая симпатная» – замечает Женька.

Милое мое Ново-Дарьино. Мое детство. Милая вредная Маринка...

ДЕТСКИЕ ИГРЫ МОЕГО ДЕТСТВА

Собственно говоря, это не рассказ, а беллетризованный мем, но я пишу о том, о чем хочу.

Если вы спросите как выглядит рай, то я скажу – в раю подруги моего детства Ася, Марина, рыжая Аня и маленькая Глаша играют в цветочное королевство, выкладывая на подушках из зеленого мха дивные по красоте бело-розово-красно-фиолетовые инкрустации из живых цветов и лепестков. Мальчики (я и Мишка Сулимов) в игре практически не участвуют, они мушкетеры. Их задача состоит в том, что они пьют бургундское и объезжают пластилиновых лошадей. Я леплю лошадей из пластилина, как и фигурки всех участников игры.

Еще одна игра – в кладбище. Детей почему-то завораживает все, что связано со смертью и похоронами. На зеленом мху устраивается кладбище, где мы хороним тельца погибших тварей: двух мышей (надписи на могилах мышь полевая и мышь домовая), лягушонка и даже ос и гусениц. Могилы красиво обложены цветами флоксов.

Неплохо конечно и запускать Аськиного летучего змея. Змей фирменный, он улетает очень высоко, так что в небе

видна только маленькая красная точки, это штаны нарисованного на змее Микки-Мауса.

Детство немного жестоко и мы развлекаемся, доводя до слез маленькую рыжую Аньку, – вешаем на веревке у самой ее калитки серую дохлую ворону, клюв которой выкрашен красной нитрокраской.

Играем, разумеется, в прятки: «Топор-топор, сиди как вор, и не выглядывай во двор, пила-пила, лети как стрела, Кто не спрятался, я не виновата, кто за моей спиной стоит, тому три кона водить».

Играем в жмурки, но в жмурки нужно играть в помещении, потому играют в них только на Аськин день рождения – 28 августа, последний детский праздник перед ненавистой школой.

Играем в индейцев: строим шалаши, жарим шашлыки, печем ворованную картошку в золе.

Строим штабы, в которых прячемся от родительских глаз, и едим воблу, горьковатую оранжевую икру никто не ест кроме меня. И я в выигрыше.

Летние школьные каникулы это какой-то огромный отрезок времени, по насыщенности событиями и приключениями равный остальному году. Сейчас идут разговоры о том, что школьникам вредно отдыхать три месяца подряд. Еще как полезно!

БУДІНОК ТВОРЧЕСТВА.

«В парке Чаир распускаются розы...» – поет женским голосом дяденька в репродукторе. Мы только что прибыли в столицу Крыма город Симферополь. Цветут олеандры, вокруг гудят толстые бабочки – олеандровые бражники. Гулять, так гулять, берем такси до дома отдыха – Будінка творчества актеров. Мама – режиссер, она очень худенькая, курносая, черноглазая. На ней платье цвета морской волны.

«Ты из мамы все соки выпил» – строго сказала мне тетенька-проводница. Разве из мамы делают сок!

Позавтракав в будінке кашей и какао (невкусные котлеты есть не стали) идем на море. Около столовой спят огромные, жирные рыжие коты. Вид у них такой, будто они умерли от апоплексии, рядом раскисают недоеденные невкусные котлеты.

Дорога к морю проходит через парк. В парке растут «настоящие» финиковые пальмы, голубые пушистые ливанские кедры и дерево «курортница», у него как кожа слезает от солнца красная кора.

На асфальте нарисована голая тетенька и написано «Лиза м....а». «Мама, что такое м....а...» – спрашиваю я. Мама сердито тащит меня за руку.

И вот долгожданная встреча. Ну, здравствуй море! Какое

же ты большое и соленое! Вся полоса прибоя усеяна разбитыми «хрустальными» черепами медуз. Я бултыхаюсь в волнах полных медуз – до посинения.

После обеда, пока мама спит, я гуляю по крыше дома творчества с новым другом – одноглазым мальчиком, и мы кидаемся круглыми кипарисовыми шишками в актеров и актрис.

Наутро едем проведать мамину сестру в мидовский санаторий. У меня с тетей Таней сложные отношения, потому что она не привозит мне из заграницы «жувачку». Зато я успеваю познакомиться с мидовской ручной белкой, которая живет в лифте, и кормлю ее орехами. Я целых полчаса езжу вместе с белочкой вверх-вниз на вмонтированном в скалу пляжном лифте с лифтером. Он тоже любит белок. «Да, это вам не будінок!» – говорит мама, прогуливаясь со мной по огромному пустынному пляжу, усыпанному мелкой галькой.

На следующий день идем с маминной подругой Ларисой в кино. Удлиненный киносеанс: показывают сначала длинный чешский мультфильм про средневекового художника, у которого во время чумы умерли все дети, а потом смешную комедию с Бурвилем «Разиня». Зрители заражают друг друга приступами хохота. Пленка рвется, раздаются крики: «Сапожники!». Я тоже кричу и весело топаю ногами. Неистребимо вкусно пахнет жареными семечками. Мне их нельзя, бабушка не велела: только живот засорять.

Утром после завтрака (яичница с ветчиной!) отправляем-

ся с мамой и тетей Ларисой в горный Кореиз за лавандовым маслом. Чахлые поля засеяны овсом. По нему ползают божьи коровки, которых в огромных количествах разбросал на низком полете самолет кукурузник. Я пою гимн дождевых червей: «Мы ползем, ползем, ползем! Поедаем чернозем!». Пусть всех червей противных кроты съедят!

После обеда плывем на кораблике в Алупку. Экскурсовод рассказывает про какого то графа Воронцова, лучше бы рассказал о мраморных львах, один из них уснул, положив лапу на мячик.

Идут за днями дни: солнце, море, кино, ягода шелковица. Перед отъездом в Москву я говорю маме: «Хорошо, что мы уезжаем, я так устал от юга, от солнца. Хочу ходить в лес за грибами». «Я тоже хочу – отвечает мама, потерпи... Скоро домой».

КАВКАЗ

Мне десять лет. Папа отправился в геологическую экспедицию на Кавказ и зовет меня и маму к себе. Мы летим в Ереван. Я в самолете в первый раз и очень боюсь. Разгрызаю зубами карамель «Взлетная» и вжимаюсь в кресло... Самолет набирает высоту. Тихо и спокойно как в автобусе. Мне уже не страшно. Под нами проплывают пышные белые облака.

В Ереване нас встречает отец. Мы гуляем по городу, Сейчас почти ничего не помню, только прекрасную площадь с огромными домами из розового туфа.

Поздно вечером едем на озеро Севан, где уже разбит палаточный лагерь. Через дорогу скачут ошалевшие от лучей фар суслики и тушканчики.

Вот мы и приехали. В группе геологов, кроме отца три отпрыска знаменитых фамилий. Андрей Книппер, внучатый племянник знаменитой актрисы Ольги Книппер-Чеховой, Гурам Закариадзе, сын звезды грузинского кино Серго Закариадзе, и Вася Пушкин, потомок Александра Сергеевича.

Воздух гудит. Это полчища «вертолетов», огромных безвредных комаров. В палатке уютно горит облепленная «вертолетами» свечка. Как же хочется спать...

Утром я знакомлюсь с Мишей Пушкиным, Васиным маленьким сыном. Прихватив надувной матрас, мы идем на Севан купаться. Кромка воды вдоль берега покрыта толстым слоем мертвых рыжих «вертолетов». Дно каменистое, вода прозрачная и обжигающе ледяная!

Внезапно прямо на берег въезжает горбатый запорожец. Из него выходят два толстых армянина и бросают в озеро динамитную шашку. Раздается страшный взрыв! Рыба всплывает кверху брюхом. Быстро покидав ее в багажник, браконьеры уезжают. Они собрали не всю рыбу. Мы с Мишкой приносим в лагерь десяток крупных сигов, сегодня на обед будет уха!

Стряпает обед повариха Лена. Она очень веселая и красивая. Лена выдает нам с Мишкой банку сгущенки с двумя дырками и мы, посасывая сладкое лакомство, начинаем травить анекдоты. Только Мишка кончит, начинаю я. И так два часа без перерыва. Лена трясется от смеха, не столько от анекдотов, сколько от того, что нас не остановить. Местный армянин, который ухаживает за длинноногой Леной, тоже громко хохочет.

На следующее утро я с папой и другими взрослыми геологами ухожу в маршрут. Невысокие ржавые горы поросли всевозможными колючками. В маленьких ложбинках журчат ручейки и алеют крупные маки. От камней веет жаром, солнце в зените, я очень устал: «Папа, я все-таки не хочу быть геологом!» – говорю я.

Дни пролетают стремительно, я не успеваю оглянуться. Геологи свертывают палатки, снимаются с лагеря. Пора ехать в горный Азербайджан на реку Ливчай.

Горная дорога бесконечна. У нашего «Уазика» промокли тормоза, и шофер Володя решает их просушить. Я остаюсь в машине. Володя гоняет машину по крохотному пяточку между двумя пропастями. Мама в ужасе!

Едем дальше... Начинаются леса. У меня прихватывает живот, и я прошу остановить «Уазик». В лесочке я нахожу пять огромных крепких подосиновиков.

Разбиваем лагерь на Ливчае. Небольшая, но бурная речка прыгает по камням. Мы с Мишкой целый день кидаем в воду булыжники.

Вдоль реки идет дорога. По ней шагает мохнатый ослик, на нем важно восседает бородатый азербайджанец. Ослика на поводу тащит его жена. (Несмотря на жару на ней ватный халат и черные шерстяные рейтузы). Женщине ехать верхом не положено.

Следующим утром идем за грибами. Белых и подосиновиков косо́й коси. Местные жители грибов не едят. И еще, какие-то большие красивые грибы, которые синеют на срезе.

В лагере вместе с поварихой Леной чистим грибы. Синие грибы все есть боятся. Только храбрый Андрей Книппер съедает целую сковородку!

На следующий день поднимаемся в горы. Наша цель – развалины турецкой крепости. Туда ведет узкая тропа. Конеч-

но, раньше эта крепость была неприступной: на этой тропе горстка солдат могла сдерживать целое войско. Из крепости открываются потрясающие виды на поросшие кудрявым лесом горы. Стрекочут кузнечики, палит солнце. На краю колодца для сбора дождевой воды лежит коричневая змея. Мне становится страшно, и мы уходим.

Однажды отец Мишки Пушкина переходит Ливчай вброд, и посещает местный магазин. В магазине нет даже хлеба, соли и спичек, зато продается дешевая пестрая материя и розовый портвейн. Мишкин папа покупает себе единственную имеющуюся в наличии треснутую чашку. «Как тут люди отовариваются?» – задумчиво говорит он, наливая портвейн в чашку.

Гурам приносит трюфели, но грузины готовят их с красным перцем, чесноком и помидорами. Грибной аромат совсем не чувствуется.

Дни тянутся медленно... Я и Мишка играем на берегу Ливчая. Маленькие полупрозрачные камушки заменяют нам солдатиков.

И вот – пора прощаться с Ливчаем. Последний ужин. Лена нажарила пирожков с грибами. Все поют песни – русские и грузинские. Мне разрешают выстрелить из ракетницы!

Папа выпил винца, размяк и читает свои стихи о Марокко:
Улочки кривые,
Ставни голубые
И резные двери

В городе Танжере

У дверей арабы.
На углях кебабы.
Жены с волосами
Цвета спелой ржи,
Те в особой стайке
Зыркают утайкой
Черными глазами
Из-за паранджи.

А еще в Танжере
Пальмы в каждом сквере,
Небо темно-синее,
Белые дома,
Зелень кипарисов,
Танцы одалисок,
А у нас в России –
Осень да зима.

Сам себе не веря,
Я бродил в Танжере,
Заходил в кофейню,
За резную дверь.
А когда уехал,
Молодость отстала,

Где-то загуляла,
Не найдешь теперь.

На следующий день два «Уазика» едут в Тбилиси. Маленький караван покидает Азербайджан. Алазанская долина: по левую руку – плантация хлопчатника, по правую – виноградники. Шофер останавливает машину и устраивается пикник, едим большую продолговатую дыню и пьем белое вино – из очищенных от семян сладких перцев!

Вечером приезжаем в Тбилиси. Прохладно. На скамеечках сидят пожилые грузины и играют в нарды. Мы будем жить у Гурама Закариадзе. Его жена Лейла приготовила для нас долму и жареный сулгуни с медом. У дяди Гурама две дочери – потрясающие красавицы!. Старшая ждет ребенка, на девятом месяце. «Господи, – говорит ей шофер Володя, – Ведь на женщину в Вашем положении без слез не взглянешь. А я на Вас гляжу, и одна приятность!»

Утром отправляемся на прекрасный проспект Руставели пить воды с сиропами Логидзе. До чего же вкусно, особенно ярко-зеленый тархун и шоколадная.

Мне купили игрушечную старинную машинку! Мы гуляем по узким горбатым улочкам старого Тбилиси. Над мутной Курой нависли двухэтажные особняки с резными галереями балконами.

Смотрим, как пекут лаваш. Ловкий пекарь ныряет с деревянной лопатой в огромный тандыр. Мы ужинаем хинкали

в каком то духане.

Утром едем в Джвари:

«Немного лет тому назад,

Там, где сливаясь шумят,

Обнявшись, словно две сестры

Струи Арагви и Куры,

Был монастырь...»

Здесь жил Лермонтовский Мцыри.

«Теперь один старик седой,

Развалин страж полуживой,

Людьми и смертию забыт

Стирает пыль с могильных плит...»

Завтра мы улетаем в Москву. Я очень соскучился без бабушки и без Аси, девочки в которую я влюблен.

Но Господи, как же я благодарен тебе за это путешествие!

СУД ПАРИСА

Мне было двенадцать лет. Я гулял с тремя красивыми девочками в светлой роще берез, среди солнечных пятен – приятная ситуация! Под чахлой елочкой я заметил красивый большой подберезовик. Обхватив жадной рукой прохладную крепкую ножку, я вдруг, призадумался. Я любил грибы, но девочек любил больше. «Вообще-то он мне не нужен... – сказал я голосом опытного соблазнителя, – могу кому-нибудь подарить. У нас и так сегодня грибной суп!».

– Мне! – закричала пышнотелая блондинка Марина, часто являвшаяся мне в мальчишеских снах.

– Нет, мне! – взвизгнула маленькая рыжая Анька.

Ася молчала. В отличии от прекрасной Марины, ангелоподобную, розовоперстую и каштановокудрую Асю я не просто хотел, а безумно и, как я считал, безнадежно, любил... Гораздо сильнее чем сорок тысяч братьев!

– Я Аське отдам... – холодно произнес я.

– Так и знала, что он Аське отдаст... – злобно прокомментировала Марина и посмотрела на меня полными ненависти васильковыми глазами. Ася тоже блеснула янтарными очами, покраснела, и, прижимая к груди подарок, побежала домой порадовать маму. «А может быть не все так безнадежно» – подумал я.

Суд Париса вечен...

ШПАНА МОЕГО ДЕТСТВА

Два великана – Акыля и Феля пили портвейн из горлышка, спрятавшись за будкой газонапорной станции. На стене было написано масляной краской: Акыля+Феля = дружба. Допив портвейн, Акыля разбил бутылку об асфальт. Я смотрел на все это снизу вверх с ужасом и восторгом.

Акыля и Феля были безвредные – мелюзгу не трогали. Гораздо опаснее был белообрый долговязый Гендос, который подкарауливал в подворотне детвору и отбирал у нее деньги. Гендос жил в моем подъезде. Этот Гендос прославился тем, что покрыл все стены подъезда талантливymi изображениями голых баб. Однажды, возвращаясь из школы домой, я вошел в подъезд и, услышав лязг железной двери, закричал: «Не закрывайте, пожалуйста, лифт». Заскочил в кабину: там стоял Гендос с батоном хлеба в руках! «Не бойсь. Хочешь хлебушка?» – спросил он улыбаясь. Пришлось давиться хлебом. На нервной почве я отломил полбатона... Наконец лифт приехал на мой шестой этаж. «Если тебя кто обижать будет, мне скажи!» – попрощался Гендос.

После четвертого класса мою школу расформировали, открыв в ее помещении дом пионеров.

Я на новенького перешел в соседнюю школу. Всех ребят держали в страхе три хулигана.

Главным был Леха Каминский, похожий на волка подростка. Сын дворничихи, он рос как трава в поле. Отец и старший брат отбывали срок.

Вторую скрипку играл жирный дебил Паша Большаков, раскормленный мамашей, продавщицей колбасного отдела до шарообразного состояния. Когда учителя спрашивали его: «Паша, что ты сейчас читаешь?», он на протяжении трех лет отвечал неизменно; «Приключения Заморыша!».

Третьим был Игорек Пеньков по прозвищу Запятая, карлик с черной бородавкой на носу.

Каждое утро, придя в класс, Каминский ставил на парту фигурки Адама и Евы, слепленные из черного пластилина. Половым органам скульптор Каминский уделил особое внимание. Адама и Еву Каминский демонстрировал девочкам.

Потом, с криком: «Жид! Жидовская морда!», он плевал в лицо Толику Быстрицкому.

Потом, приговаривая: «Сейчас танцуют нигеры!», он избивал смуглолицего Андрея Мещерякова.

На переменах Каминский пил портвейн. «Пахнет?» – спрашивал он меня. Я кивал головой. «Дай чего-нибудь зажевать – требовал он, – Опять яблоко... Завтра булку принеси!»

Учителей Каминский не боялся совершенно. Больше всего доставалось тишайшей Анне Михайловне, учительнице математики, угрожавшей Каминскому двойкой в четверти.

«Чичи, потараню!» – кричал Каминский в ответ, и прини-

мался петь похабную песню:

«Не была б я прачкой,
Белье бы не стирала,
По улице ходила,
Ляжками сверкала...

Четыре татарина, четыре татарина, четыре татарина
И один грузин!»

В один прекрасный день, учитель истории, старенький ветеран войны Владимир Дмитриевич Квейснер, по прозвищу Глобус вызвал к доске Игоря Пенькова.

«Ну, Пеньков, покажи Москву!» – потребовал Глобус. Пеньков минут пять водил указкой по карте, но Москву не нашел. «Садись, Пеньков, двойка. Мать ты свою, Пеньков, не любишь» – ворчал Глобус.

«Заткнись ты, старый му...к!» – вступился за Пенькова Каминский.

Глобус беззвучно заплакал и вышел из класса. Урок был сорван.

После занятий староста класса Надя Беленькая собрала всех ребят и сказала: «Завтра утром встречаемся все у метро Университет. На уроки не идем, требуем выгнать из школы Каминского. На уроки не идем!!!»

Так мы и сделали.

Директор и завуч, не знавшие как разрулить ситуацию, были в ярости.

Мы не сдавались!

На следующий день Каминский пришел в школу с маленьким котенком в руках.

«Котенком клянусь, я больше никогда никого не трону!» – сказал он, стоя перед классом на коленях, – Только не выгоняйте меня!»

С тех пор Каминский был тише воды и ниже травы. Притихла и его свита. Слово свое он сдержал.

После восьмого класса он ушел учиться в ПТУ.

Как сложились судьбы Алексея Каминского и его друзей – не знаю...

ВАНЕЩХА ХРУЩХУ

Во-первых, если вы не любите противные мемуары, не читайте этот рассказ...

Во-вторых...

После третьего класса мне пришлось сменить школу. Травили меня жестоко и беспощадно. Понимая, откуда растут ноги, я подобострастно обратился к толстому мальчику, которого все (и он сам) звали Ванещха Хрущху, с вопросом: «Ваня, а правда тебя Чика в прошлом году повесить на флагштоке хотел...». «Что-то ты поганые вопросы задаешь! Надо тебе кукабоку сделать» – нахмурился Ванещха. «А что такое кукабока...» «Сначала за волосы таскают, потом за мизинец кусают!» Испугавшись еще больше, я, зная, что Хрущху безумно любит кошек, на уроке литературы написал сочинение про игры двух котят.

– Надо тебя распоганить, а потом разъякоганить. Ты священное сочинение написал. После школы пойдем в темные леса Кримбошайро.

Темные леса Кримбошайро находились в Ванещхином подъезде. Полчаса Хрущху и его друг Моросашка прыгали передо мной, напевая: «Кримбошайро, кримбошайро, кримбошайро». У одного в руках был сломанный душ, у другого лыжная палка. В конце церемонии мне сделали «тычку»

лыжной палкой в причинное место, и я был наречен «Прот-Священ-Великим». Кукабоку же сделали худенькому мальчику по прозвищу Писюхлядь.

Так я стал другом Ванещки, а также непременным участником акции «темные делишки». Например, действия «лузонида-кошелек»: Ванечка ложкой складывал собственное дерьмо в пустой кошелек, приговаривая: «Похабная ложечка, я ее выкину!» Кошелек подбрасывался доверчивым прохожим.

В программе также были обливание прохожих водой с балкона и воровство у строителей зловонного карбида.

Ванечка сидел с Моросашкой за одной партой, Утром перед началом занятий они распевали, обнявшись : «От моста, до куста, до поганой бабки, Мы идем, и поем, и несем мы тряпки...»

На перемене декламировались хрущевские стихи следующего содержания:

"Погонщики гнали ослов на Восток,
И малый осленок в пути занемог.
Дед Вандер, Дед Вандер, Дед Вандер – дер Шток!
Ослы перешли через горный поток,
И малый осленок идти уж не мог.
Дед Вандер, Дед Вандер, Дед Вандер – дер Шток!"

Творчество не прекращалось. На следующей перемене Моросашка и Хрущу дурными голосами выводили:

Из Билидина в Жогию
Вылетал самолет,
Распухабною бабкою
Оказался пилот.
Вышел он из кабиночки
И рувольвер принес,
Выстрел грянул в тиши ночной
И хибарку разнес...

В этой песне описывались легендарные события, произошедшие на вымышленной Ванещхой планете Фантифатка. На Фантифатке находилась страна Бикторвания, президентом которой был Ванещха. Бикторвания вела бесконечные войны со страной Самянией, президентом которой был диктатор, некий Яден Гаден. Самянию разгромили, а Яден Гаде-на поймали. Его привязали за волосы к штанге, так, что они оторвались, потом обкапали горячей пластмассой и закатали в прозрачную смолу. Процесс был «заснят на кинолентку». Бикторванцы с удовольствием смотрели фильм «Последние дни якоганца из якоганцев» и шутили: «Яден Гаден хорош лишь тем, что задохнулся вчера вечером!!!»

Ванечка Хрющуху был влюблен в Леночку Долинскую, получившую прозвище Баб Пятиугольник.

«Маленький Ванещха Хрющуху
Погану бабку любил,
В сад якоганный водил он ее,

Там якоганую бил!» – горестно распевал Хрущху. Все бы ничего, но перед уроком труда Ванечка показал всей мужской половине класса спектакль «Изнасилование Баб Пятиугольник». Роль жертвы исполнял Моросашка, кричавший: «Ваня не надо!».

После этого общаться с Ванечкой не хотелось. Вскоре я с моим новым другом Митей Добрыниным организовали «антихрущхувский» комитет. Началась затяжная вражда...

Скажу только, что Ванещха вырос и, балансируя на тонкой грани между гениальностью и безумием, поступил в МГУ, на структурную лингвистику.

Писать обо всем – бумаги не хватит... Нужен четырехчасовой спектакль...

ПОРОСЮК

Каждое лето Ванещха Хрющуху отправлялся со своим дедом – дед Ваном на отдых в священную деревушку Хопер.

У их соседа, по прозвищу дед Гнутый Гвоздь жил поросяенок – Васька, которого Ванечка обожал. Он кормил его корками и чесал ему спинку. Ванечка решил, что священные не только кошки, но и поросята. Надо сказать, что Ванещха очень любил жареную свининку, так что, до какого именно возраста поросята остаются священными, – неизвестно. Каждый вечер дед Ван покупал четвертинку, и они с Ванещхой отправлялись в гости к другому соседу, Василию Абрамычу. Старики выпивали по рюмочке и дед Ван начинал рассказывать о своих военных подвигах. Он успел послужить еще в Империалистическую и был Георгиевским кавалером. Потом деды дуэтом пели «По военной дороге...» В особенное неистовство дед Ван впадал, исполняя куплет:

На Дону и в Замостье
Тлеют белые кости,
Над костями шумят ветерки.
Помнят псы-атаманы,
Помнят польские паны

Конармейские наши клинки!

После чего дед Ван кричал: «А теперь, струляй, струляй, Василий Абрамыч! Волки за рекой! Съедят они нашего поросенка Ваську!» Василий Абрамыч срывал со стены неизменно заряженную тулку, выходил на крыльцо и бабахал!

В один ужасный день Дед Гнутый Гвоздь напился, и зарезал несчастного Ваську. В ту же ночь Ванещьха подкинул ему в выгребную яму полкило мороженных дрожжей. Что после такого бывает, объяснять не надо, вам повторять эксперимент не советую. А проклятый дед Гнутый Гвоздь был с тех пор переименован в деда Говно.

МИТЯ ДОБРЫНИН

Мой друг детства Митя Добрынин вполне мог бы носить фамилию Карамазов. Достоевские страсти Митя являл в бесконечных ссорах со своей матерью. Они очень любили друг друга, но ругались страшно и жестоко. Митя даже угрожал маме, что застрелится из самодельной поджиги.

Еще у Мити Добрынина была очень хорошенькая младшая сестра Татьяна. Он каждый день забирал ее из детского сада, и мы шли кататься на горку, а по четвергам он водил ее на фигурное катание. Таня училась музыке и после обеда терзала плохонькое фортепьяно.

Мы с Митей Добрыниным учились в школах художественных. Главной нашей страстью было рисование комиксов и карикатур на «носатого зайца» Ванищху Хрющху: Ванищха ковбой, Ванищха робот, Ванищха пират, Ванищха милиционер и так далее до бесконечности. Карикатуры пользовались большим успехом, особенно у нашей любимой англичанки Анны Федоровны, к которой мы еженедельно ходили заниматься иностранным языком.

Митя Добрынин любил хвастаться наследством прабабушки. В семье Добрыниных бережно хранились часы с бриллиантами, серебряные ложки с монограммами, царские ордена.

Митька был счастливым обладателем собачки Лайды. Мы часто выезжали с ним за город выгуливать Лайду, похожую на левретку. И еще ходили с Лайдой на речку-вонючку, где она носилась как угорелая, поднимая на крыло уток.

О речке-вонючке расскажу особо.

«Бабушка, мы с Митей Добрыниным пообедаем, а потом пойдем на речку-вонючку гулять!» – звоню я бабушке после школы, – и поскорее вещаю трубку, пока она не сказала: «Немедленно домой!»

Речка-вонючка – это огромный пустырь, заросший пижмой, речка и большая мусорная свалка. Восторг души! Воля! Свобода! Вредные отходы, почти сразу за метро «Университет»! Здесь гнездятся утки и даже есть собственный микроклимат.

На речке мы строим из сухой пижмы деревянные крепости и потом сжигаем их, играем в пластилиновых солдатиков. Мы репетируем генеральное сражение с коварным врагом – нашим одноклассником Колей Ссориным. По речке плавает наш боевой плот Кон-Тики, сделанный из ножек для табурета, и оснащенный парусом и рулем.

Мы и сами плаваем по никогда не замерзающей речке на огромном колесе от «Белазы». Однажды Митя Добрынин падает с колеса прямо в грязную воду. А еще лепим огромных снеговиков, из которых потом вытесываем с помощью молотка статуи. В процессе я получаю молотком по ноге. Вот хорошо! Завтра в школу не пойду!

Много прекрасных мест на свете, но мне до сих пор вспоминается похожий на Зону из «Сталкера» мир с речкой-волючкой, белесое зимнее небо, ржавые заросли сухой пижмы, утки и добрые, бездомные собаки.

Мы обожали играть в солдатиков и лепили из пластилина целые армии, в частности японских самураев. В магазине ничего подобного, естественно, не продавалось.

После восьмого класса я и Митя отправились в разные школы, он в биологическую, я в гуманитарную и неожиданно быстро разошлись: новые друзья, девочки, разные интересы.

Очень жаль...

Возможно, не было у меня друга верней и преданней и ближе...

ГАПА

Однажды в студеную зимнюю пору
Сплотила на веки великая Русь.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Единый могучий Советский Союз
И шествуя важно, в спокойствии чинном
Дружбы народов надежный оплот,
В больших сапогах, в полушубке овчинном
Партия нас к коммунизму ведет...

Ну как можно было не любить классную руководительницу, которая вместе с учениками горланила этот гимн-белиберду:

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
Уж больно ты грозен, как я погляжу.
Нас вырастил Сталин на верность народу
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу.

Ее звали Галина Петровна, сокращенно Гапа. Она могла спокойно разговаривать с учениками на запрещенные темы: о Солженицыне, об академике Сахарове. Она могла принести на урок в авоське любимую толстенькую, пестренькую, маленькую собачку Микки, и та висела какое-то время на

крючке, а потом вываливалась из авоськи и начинала ходить по классу. Она могла купить вишневой краски и заставить нас выкрасить ей стулья в классе, она могла изменить школьную программу и заставить нас второй раз проходить «Евгения Онегина», она могла поставить в актовом зале Блоковскую «Песню судьбы» – пьесу, в которой любой режиссер ногу сломит..

Кроме нашего 9-го «Б», она пестовала еще и 10 –й «Б». Оба эти класса были рассадником вольнодумства и диссидентства. Особенно выделялся Костя Лисеев, ясным взглядом карих глаз, черной шевелюрой, какой-то взрослой статью. Как говорил толстый мудрец Миша Сеницын: «Был обыкновенный шпанистый парень, а Гапа научила его думать!».

Однако, с ним произошла трагическая история. Костя и некий Сергей Павленко были влюблены в одну и ту же девушку – Аню Фолманис. Однажды Сережа подпоил Костю и записал на магнитофон его антисоветские речевки, а потом стал грозиться, что передаст их отцу, служившему в КГБ. От подлости этого поступка или от страха, Костя впал в какое-то черное помутнение. Он повесился на собственном ремне.

Как раз открылся XXVI съезд КПСС. Мы саботировали это выдающееся событие: скорбели (особенно влюбленные в Костю девочки) и всем классом отказывались смотреть телевизор.

После этого Гапу убрали. Через РОНО ей строжайшим образом было запрещено если не преподавание литературы, то во всяком случае классное руководство. Галина Петровна была вынуждена уйти из школы.

Вот собственно и все...

КОКА

Голова в форме кокоса, мощный нос в виде параллелепипеда, маленькие глаза и огромные уши. Короленков сильно картавил и вообще, насколько был прекрасен душевно, настолько неприятен внешне. Кличка у него была Кока, сокращение от Короленков – комильфо.

Каждый день после уроков Короленков, я и девочки: Таня Пискунова, Таня Салзирн и Мариночка Никольская отправлялись к Таньке Пискуновой слушать бардовскую песню, трепаться о литературе и играть с собакой Микки. Там мы пили чай с вареньем, а иногда и спирт для протирки пластинок и таким образом узнали, что Короленков существо высокоморальное, а именно: не курит и не пьет.

Тут же возникла идея разыграть Короленкова. Мы налили в бутылку из под вермута чай. Таня Салзирн должна была его пить из горлышка, сидя на коленях у Коли Ссоруна и являть собой все пороки мира в одном лице.

Короленков на розыгрыш не купился. «Э-э-э, что вы тут за дешевый театр устроили!» – жаловался он.

Я к тому времени научился общаться со шпаной на равных, слыл у нее за своего. Кока же, напротив, в любой мужской компании выглядел интеллигентным изгоем и норовил схлопотать по морде. Мне вечно приходилось его защищать.

Больше всего в Коке запомнилась именно эта его незащищенность.

Один раз и мы с ним чуть не сцепились. На летние каникулы Кока успел поработать вместе с Таней Салзирн в археологической экспедиции, и они вернулись оттуда лютыми врагами.

Как-то мы сидели веселой компанией в школьном буфете. В ответ на колкость Тани Салзирн, которая мне все больше нравилась (Таня, а не колкость), Короленков начал дерзко ее задирать. Я плеснул ему в лицо компотом. Он смертельно побледнел, но мой вызов не принял. Я извинился, и вдруг сразу понял, как нелепо в прошлом случались вызовы на дуэль.

Уроки мы прогуливали большой компанией в Донском монастыре. На этом кладбище русского дворянства мы прятали портфели в какой-нибудь склеп и забирались на одну из башен, где распивали бутылку сухого. Кока к тому времени уже позволял себе глоточек.

Один наш с Кокой прогул я запомнил на всю жизнь. Прогуляли мы ни больше, ни меньше городскую контрольную по математике. Запаслись поддельными справками от школьной медсестры. Обман раскрылся, стали выяснять, кто был зачинщиком, и решили что я. В лицо мне были брошены обвинения, что я «сибаритом расту». Но все как-то рассосалось. Кока вел себя безупречно.

Жизнь развела нас. Еще служа в армии, мы активно пере-

писывались, Кока очень интересовался разоблачением куль-
та личности Сталина... А потом наше общение сошло на нет.
А жаль. Очень жаль...

ДВЕ ТАНИ

В тот день все уроки для 9-го «Б» отменили. Мы всем классом шли на экскурсию в Музей Советской армии. Шли как в детском саду, парами по Ленинскому проспекту, возглавляемые подполковником Голтяковым, преподавателем НВП. Я шел с Таней Пискуновой. Впереди шла Таня Салзирн. Она одна была без пары, и плакала.

–Опять Салзирн выпендривается! – зло сказала Пискунова.

–А мне ее жалко! – сказал я.

–Ну, пойдя, пожалей ее.

–И пойду!

–Таня, можно я пойду с тобой?

–Можно! – жарко блеснула в ответ белками огромных голубых глаз красавица Салзирн.

Всю экскурсию я не отходил от Тани Салзирн. Домой тоже пошли вместе.

–А за нами кто-то идет! – торжествующе заметила Таня.

Позади, на расстоянии метров пятидесяти шла ревнивая Пискунова.

Мы купили два горячих бублика. Таня махала лапами синего пальто на приставучую маленькую собачку: «Опоздала, голубушка тебе ничего нет!»

Решили идти от Новослободской пешком, аж до Кремля, и дошли ведь, дело молодое, ноги сами несут!

Вечером мне позвонила Таня Пискунова. Она театрально смеялась и объясняла, что уезжает на два дня в Ленинград.

Потом позвонила Таня Салзирн.

–Я просто хочу дружить с тобой, просто дружить, а не доказывать, что я не верблюд!

–Ты, Таня, не верблюд! – весело ответил я.

Все это тогда казалось большим и важным, а теперь вот хватило только на то, чтобы написать крошечный рассказ.

ПРИРОДУ НАДО ЛЮБИТЬ

Селигер – это цепь прозрачно-голубых озер, желтый песок... Это вековые сосновые боры, устланные белым оленьим мхом... Это папоротники в человеческий рост, черника и грибы... Это розовые восходы и багряные закаты... Это блаженная жизнь в маленьких домиках турбазы... Это можжевеловый дымок костра, на котором коптится рыба или варится земляничное варенье...

Юность... Я и мои друзья: Сережа Баранов по кличке «непотопляемый», и Леша Макаров лежим, на устилающей берега озера Селигер, россыпи сухого тростника. Набегают ласковые волны. Мы только что спутешествовали на лодке «Форель» на другой берег и нашли под кустом можжевелника полбутылки спрятанного дикарями самогона. Самогонка удивительно вкусная, хоть и теплая. Видимо ее гнали из конфет «подушечки». По очереди посасываем из горлышка. Серега пьянеет. Начинается пьяный юмор. «Слушай, а у тебя родители злые? – печально спрашивает Баранов, – меня каждый день бьют коваными сапогами в живот!» Мы смеемся. У меня родители добрые, у Леша Макарова – старенький папа Евгений Семенович. Он в огромных количествах ловит рыбу и в перерывах сдувает с Леша пылинки. «Ты только с Шуриком не дружи – каждый раз говорит он, отпуская Лешу

гулять, – он, может быть, даже курит!». «Хорошо, папа» – отвечает голубоглазый Леша, становясь похожим на отрока Варфоломея и поглубже прячет в задний карман пачку «Беломора» и спички.

Жарко... «Только вам могу сказать, – полным слез голо- сом говорит Серега – Я в Наташеньку Травникову влюбился. Она мне песенник дала, а я ей так и написал, я, мол, тебя люблю. Она засмеялась и сказала, что подрастем немного и поженимся». «У Борьки Галузинского сестра такая красави- ца, но дикая – как кошка, – невпопад замечает Леша Мака- ров, – Я хотел ее поцеловать, а она кричит и царапается!» «Вы пошляк, поручик Макаров! – возмущаюсь я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.